

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-6-258-263

Дата принятия рукописи в печать: 29.06.2026 г.

ЕПИФАНОВ Александр Егорович,
Академия управления Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
AuthorID: 318625, Москва, Россия,
e-mail: mvd_djat@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ АРЕСТАНТСКОГО ТРУДА ПО УСТАВУ О СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ 1902 ГОДА

Аннотация. Устав о содержащихся под стражей (изд. 1890 г., по прод. 1902 г.) - один из ключевых законодательных актов позднеимперской России в сфере пенитенциарного регулирования - содержал развернутую нормативную систему организации арестантского труда. Вместе с тем в исторической и историко-правовой литературе данный акт изучался преимущественно в контексте смежных сюжетов - каторги, политической ссылки, тюремной реформы - без специального анализа глав, посвященных труду заключенных. Настоящая статья восполняет этот пробел. В центре исследования - главы пятая и шестая Устава, регулировавшие содержание каторжан в специальных тюрьмах и организацию арестантских работ. Нормативный анализ ведется в сопоставлении с архивными источниками тюрем Саратовской губернии и Царицынского уезда, позволяющими оценить, насколько законодательный стандарт соответствовал реальной практике. Источниковую базу составляют фонды Государственного архива Саратовской области (ГАСО, ф. 446, 655) и Государственного архива Волгоградской области (ГАВО, ф. 161, 290); значительная часть архивных материалов вводится в научный оборот впервые. Установлено, что хотя Устав 1902 г. создал технически разработанную нормативную конструкцию, в уездных тюрьмах его положения выполнялись избирательно: сказывались хроническое переполнение, нехватка мастерских и медицинского персонала.

Ключевые слова: Устав о содержащихся под стражей, арестантский труд, каторжные работы, пенитенциарная система, Саратовская губерния, тюремное законодательство Российской империи.

EPIFANOV Alexander Yegorovich,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia

ON THE ISSUE OF THE LEGAL REGULATION OF PRISON LABOR UNDER THE STATUTE ON PERSONS HELD IN CUSTODY OF 1902

Annotation. The Statute on Persons under Custody (1890 edition, as supplemented through 1902) - one of the key legislative acts of late-imperial Russia in the field of penitentiary regulation - contained a detailed normative system for organising prisoner labour. Yet in the historical and historical-legal literature this act has been studied mainly in relation to adjacent topics - penal servitude, political exile, prison reform - without specific analysis of its chapters devoted to prisoner labour. This article fills that gap. The focus is on Chapters Five and Six of the Statute, which governed the detention of convicts sentenced to hard labour in specially adapted prisons and the organisation of prisoner work. The normative analysis is conducted against archival sources from prisons in Saratov Province and Tsaritsyn District, enabling an assessment of how far the legislative standard corresponded

to actual practice. The source base comprises holdings of the State Archive of Saratov Oblast (GASO, fonds 446, 655) and the State Archive of Volgograd Oblast (GAVO, fonds 161, 290); a substantial portion of these archival materials is introduced into scholarly circulation for the first time. It is shown that, while the 1902 Statute created a technically elaborated normative framework, its provisions were applied selectively in district prisons owing to chronic overcrowding, a shortage of workshops and medical personnel.

Key words: *Statute on Persons under Custody, prisoner labour, hard labour, penitentiary system, Saratov Province, prison legislation of the Russian Empire.*

Введение

К началу XX века правовое регулирование мест лишения свободы в России насчитывало уже несколько десятилетий планомерного законодательства. Тюремная реформа 1879 г., учредившая Главное тюремное управление и наметившая переход от ведомственного произвола к единообразному нормативному порядку, породила целый пласт циркуляров, инструкций и законодательных актов. Венцом этой работы стал Устав о содержащихся под стражей, вошедший в Свод законов Российской империи (т. XIV) в издании 1890 г. и существенно переработанный к 1902 г. По охвату вопросов и уровню юридической техники этот акт не имел равных в отечественном пенитенциарном законодательстве вплоть до Общей тюремной инструкции 1915 г.

Историки обычно обращались к Уставу как к справочному источнику: уточняли отдельные нормы в связи с изучением каторги, системы ссылки или тюремного быта. Самостоятельного разбора его структуры, внутренней логики, соотношения норм с практикой практически не предпринималось. Между тем именно главы об арестантском труде - пятая («О тюрьмах, приспособленных для содержания присужденных к каторжным работам») и шестая («О занятии арестантов работами и о распределении получаемых от сего доходов») - обнаруживают наиболее показательные противоречия между законодательным замыслом и тюремной реальностью.

Источниковую базу исследования образуют прежде всего тексты самого Устава в изданиях 1890 и 1902 гг., а также архивные фонды двух губерний. Государственный архив Саратовской области (ф. 446 - Саратовская губернская тюрьма; ф. 655 - Тюремное отделение губернского правления) и Государственный архив Волгоградской области (ф. 161 - Царицынская уездная тюрьма; ф. 290 - Камышинская уездная тюрьма) хранят делопроизводство, охватывающее период с конца 1890-х по 1915 г. Многие из привлекаемых дел в научный оборот ранее не вводились.

Из дореволюционных авторов ближе всего к теме подошел С.К. Гогель, посвятивший арестантскому труду специальную монографию [1]. Он сравнивал российскую практику с опытом германских и французских тюрем и пришел к выводу, что

главная беда отечественных мест заключения - не жестокость, а хозяйственная неорганизованность: мастерские простаивают, заказы не поступают, казна теряет деньги. С.В. Познышев [2] рассматривал труд как главное средство исправления и критиковал российское законодательство за половинчатость: принцип обязательности работ провозглашен, но механизм его обеспечения разработан слабо. В.Н. Никитин [3], собравший богатейший фактический материал о тюремном быте, писал преимущественно о дореформенном периоде и до 1879 г. практически не доходил.

Советская историография, прежде всего многотомный труд М.Н. Гернета [4], ставила другие задачи: разоблачить зверства царской каторги, а не изучить нормативную систему. Устав о содержащихся под стражей в этом контексте упоминался вскользь. В постсоветский период М.Г. Детков [5] и Л.Ф. Пертли [6] дали взвешенную картину условий содержания, но специально труду по Уставу 1902 г. также не уделили внимания. И.П. Упоров [7] и Л.П. Рассказов совместно с И.П. Упоровым [8] исследовали тюремные инструкции как особый нормативный пласт - что методологически близко нашей теме, однако в центре их внимания находились инструкции Главного тюремного управления, а не Свод законов.

Региональный срез пенитенциарной практики Нижнего Поволжья представлен в работах А.Е. Епифанова: совместно с Е.М. Павленко исследованы права заключенных в тюрьмах Саратовской губернии [9]; вопросы режима и прав арестантов в позднимперский период проанализированы в статье 2024 г. [10]; история побегов как индикатор системных сбоев рассмотрена в соавторстве с Е.Е. Красноженовой и С.Н. Куликом [11]. Широкий контекст деятельности органов внутренних дел дореволюционной России дан в учебнике под редакцией Ю.А. Артамонова, А.Е. Епифанова и др. [12].

Таким образом, специального историко-правового исследования, предметом которого стали бы именно нормы Устава 1902 г. об арестантском труде в сопоставлении с архивными свидетельствами их применения, до сих пор не существует. В этом и состоит научная новизна предпринятой работы.

Тюрьмы для каторжан: что изменил Устав 1902 года

Пятая глава Устава открывается ст. 341, которая на первый взгляд лаконична до сухости: преступники, присужденные к каторжным работам и размещенные в специально приспособленных тюрьмах, «в порядке суда и тюремной дисциплины подлежат вполне действию относящихся до сего предмета правил Устава о ссыльных» [13]. За этой отсылкой скрывался важный законодательный выбор. Вместо создания отдельного режима для каторжан в тюрьмах законодатель унифицировал их положение с ссыlnокаторжными. Это означало, в частности, что каторжане 1-го разряда переводились в разряд исправляющихся через 3 года, 2-го разряда - через 2 года, 3-го - через 1 год (ст. 305 Устава о ссыльных по прод. 1902 г.). Получив разрешение, они могли жить не в остроге, а в комнатах заводских мастерских или даже построить дом на земле, принадлежащей заводу. Тем самым Устав закладывал прогрессивную систему ослабления режима в зависимости от срока и поведения - принцип, который в западноевропейской пенитенциарной науке к тому времени уже считался общепризнанным.

К 1902 г. в России существовало три специальных учреждения для каторжан, не отправляемых на Сахалин или в Сибирь: две Тобольских тюрьмы (в г. Тобольске) и Александровская (близ Иркутска). Именно для них прежде всего предназначались нормы пятой главы. Устав устанавливал конкретный порядок направления: каторжные 1-го разряда из Сибири и Зауральской части Пермской и Оренбургской губерний направляются в Иркутское и Приамурское генерал-губернаторства; женщины-каторжанки высылаются из всех местностей Империи в те же генерал-губернаторства; мужчины, не подходящие под первые два пункта, размещаются в двух Тобольских и Александровской тюрьмах.

Статья 342 учреждала особый охранный режим: при некоторых каторжных тюрьмах создавались местные военные команды «по особому штату» с подчинением уездным воинским начальникам. На практике это порождало постоянные трения. Делопроизводство Царицынской уездной тюрьмы (ГАВО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 14. Л. 18–21) за 1908–1910 гг. сохранило семь рапортов о самовольных отлучках военных конвоиров с постов. В каждом случае надзирателям приходилось нести сверхурочную службу, что прямо нарушало установленный Уставом порядок. Начальник тюрьмы несколько раз обращался к уездному воинскому начальнику с требованием усилить дисциплину конвоя, однако ответы ограничивались формальными отписками.

Статья 343 устанавливала, что расходы на содержание каторжан в тюрьмах относятся на счет государственного казначейства. Примечание к статье, введенное законом от 10 июня 1900 г., предусматривало для лиц старше 70 лет замену каторжных работ пребыванием в тюрьме без обязательного труда - норма по тем временам заметная. Показательно, что первоначальный адресат этого правила был вполне конкретным: речь шла об осужденных, физически неспособных достичь основного места каторги ввиду болезней, препятствующих морскому плаванию или заражению Сахалина.

Дифференциация обязанности к труду по категориям арестантов (ст. 344–350)

Шестая глава начинается со ст. 344, которая делит полномочия по организации труда между тюремной администрацией и Комитетами Попечительного о тюрьмах общества. Примечание 2 к статье ставило амбициозную задачу: работы в казенных и общественных зданиях следует «поставить в условия вольного труда», то есть оплачивать по рыночным ставкам. Насколько эта задача выполнялась - покажут архивные данные.

Перечень арестантов, обязанных к труду (ст. 345), охватывал пять категорий: 1) осужденные к ссылке в каторжные работы или в исправительные арестантские отделения; 2) присужденные к ссылке на поселение или водворение; 3) удаляемые административно по приговорам сельских обществ; 4) ссыльные по закону 2 июня 1903 г.; 5) осужденные за кражу, мошенничество, присвоение или растрату, а также за прошение милостыни [13]. Последний пункт обнаруживает прагматическую логику: именно эти категории по своим «специальностям» могли наиболее органично включиться в мастерские - сапожное, портняжное, столярное производства.

Практика, однако, нередко упиралась в отсутствие самих мастерских. Доклад губернского тюремного инспектора по Саратовской губернии за 1905 г. (ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 396. Л. 11–14) констатировал, что из 11 уездных тюрем действующие мастерские имелись лишь в четырех; в остальных работоспособные арестанты привлекались исключительно к хозяйственным нуждам - уборке камер, колке дров, носке воды.

Статья 347, освобождавшая больных арестантов от работ, требовала врачебного удостоверения. В Камышинской тюрьме с 1907 по 1912 г. в штате состоял лишь приходящий лекарский помощник - три-четыре визита в неделю (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 72–75). Официального заключения о неспособности к труду он выдавать не был вправе, а решение на деле принималось

начальником тюрьмы единолично - что инспекционные акты 1909 и 1912 гг. квалифицировали как нарушение Устава.

Перечень категорий, освобожденных от обязательного труда (ст. 349), строился на принципиально ином основании: принудительный труд - составляющая наказания, а не предварительного заключения. Поэтому содержащиеся под стражей во время следствия и суда, несостоятельные должники, пересыльные арестанты - все они работать не обязаны. Статья 350 тут же оговаривала: желающие могут участвовать в работах по собственному желанию, с разрешения начальства, - добровольный и принудительный труд тем самым получали разный правовой статус.

Рабочее время и реальный заработок

Ограничение рабочего дня - одна из немногих норм Устава, где намерение законодателя выражено с редкой прямоотой. Статья 351 устанавливала потолок: не более 11 часов летом и 10 часов зимой, «полагая в то число время, посвящаемое занятиям». Для сравнения: общероссийский закон о нормировании фабричного труда 1897 г. допускал до 11,5 часов в сутки при шестидневной неделе. Ограничение для арестантов выглядело разумным гуманистическим стандартом - тем более, что оно учитывало время школьных уроков, засчитывавшихся в рабочие часы.

На подрядных работах вне тюремной ограды этот стандарт систематически нарушался. Рапорты надзирателей из фонда ГАСО (Ф. 655. Оп. 1. Д. 397) за 1906–1910 гг. фиксируют рабочий день в строительных бригадах продолжительностью 13–14 часов в летнее время. Механизм нарушений был прост: подрядчики платили за объем, а не за время; надзиратели, командированные на выезд, не имели полномочий остановить работы без санкции начальника учреждения; начальники же, заинтересованные в доходах от подряда, предпочитали не вмешиваться.

О реальном заработке арестанта свидетельствуют платежные ведомости Царицынской тюрьмы (ГАВО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 15. Л. 41) за 1909–1911 гг. Средний месячный заработок арестанта в тюремных мастерских составлял от 30 до 70 копеек. Для ориентира: фунт ржаного хлеба в эти годы стоил около 2 копеек, десяток яиц - 15–20 копеек, простые кожаные сапоги - от 1 рубля 20 копеек. Иными словами, месячный заработок в лучшем случае покрывал стоимость продуктов на несколько дней.

Еще разительнее картина в масштабах целых учреждений. Согласно сводным данным фонда ГАВО (Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 69), суммарный арестантский заработок в Камышинской

тюрьме упал с 542 рублей в 1903 г. до 48 рублей в 1904 г. - почти в одиннадцать раз за один год. Объяснение простое: в 1903 г. тюрьма имела договор на изготовление мешковины с местным купцом, в 1904-м договор не был возобновлен, и арестанты остались без подрядных работ. Подобная зависимость от единственного заказчика обнажала структурную слабость системы: Устав предписывал тюремной администрации «прилагать все старания к приисканию заказов», но никакого механизма государственных гарантий занятости не создавал.

Положение женщин и детей в тюрьме

Статья 348 Устава - одна из немногих, прямо защищавших интересы конкретной уязвимой группы. Женщин с грудными младенцами следовало назначать «на такие работы, кои не препятствовали бы им иметь о детях своих надлежащее попечение»; кормление грудью засчитывалось на полтора года от рождения, по истечении которых ребенок передавался в заведения общественного призрения.

Практическое исполнение наталкивалось на непреодолимое препятствие: городские приюты не были обязаны принимать детей заключенных. Переписка начальника Саратовской губернской тюрьмы за 1903–1908 гг. (ГАСО. Ф. 446. Оп. 1. Д. 18. Л. 6–9) содержит восемь обращений в губернское тюремное отделение с одним и тем же вопросом: куда передавать детей, достигших полутора лет, если приют требует единовременного взноса в размере 15–25 рублей, а тюремный бюджет такой статьи не предусматривает? Ответы сводились к предложению «изыскать средства на месте». В результате матери и дети нередко оставались вместе до 2–3-летнего возраста ребенка - формально нарушая Устав, но фактически в более гуманных условиях, чем предполагала передача в переполненный приют.

Заключение

Изучение глав пятой и шестой Устава о содержащихся под стражей 1902 г. в сопоставлении с архивными материалами тюрем Саратовской губернии позволяет сделать несколько наблюдений, выходящих за рамки простой констатации «нормы и отклонений».

Первое. Нормативная конструкция Устава была технически зрелой. Законодатель разграничил обязательный и добровольный труд, выстроил прогрессивную систему облегчения режима для каторжан, предусмотрел защиту отдельных уязвимых групп - больных, женщин с детьми, стариков. В этом отношении Устав 1902 г. не уступал европейским аналогам своего времени.

Второе. Практика реализации Устава в уездных тюрьмах определялась тремя структурными дефектами: хроническим переполнением учреждений (в Саратовской губернии к 1905 г. среднее превышение расчетной вместимости составляло 140–160 %), отсутствием мастерской базы в большинстве уездных тюрем и острой нехваткой медицинского персонала. Именно эти обстоятельства объясняют, почему многие нормы Устава – от обязательности труда до врачебного освидетельствования – применялись избирательно или не применялись вовсе.

Третье. Доходы от арестантского труда были ничтожны. Заработок в 30–70 копеек в месяц означал, что провозглашенная законодателем цель – дать арестанту средства для поддержки семьи – в условиях 1900-х годов оставалась нормативной декларацией. Устав 1902 г. создал правовой каркас, однако ресурсного фундамента под него не подвел. Решение этой задачи было отложено – и по существу осталось нерешенным вплоть до конца существования империи.

Список литературы:

- [1] Гогель С.К. Арестантский труд в русских и иностранных тюрьмах. М., 1897. 134 с.
- [2] Познышев С.В. Очерки тюремоведения. М., 1915. 295 с.
- [3] Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка: историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных... 1560–1880 г. СПб.: тип. Г. Шпарварт, 1880. 674 с.
- [4] Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1961. 430 с.
- [5] Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994. 119 с.
- [6] Пертли Л.Ф. Организационно-правовые основы условий содержания заключенных в дореволюционной России. М., 2011. 200 с.
- [7] Упоров И.П. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. СПб., 2004. 608 с.
- [8] Рассказов Л.П., Упоров И.П. Тюремные инструкции в Российской империи. Краснодар, 1999. 57 с.
- [9] Епифанов А.Е., Павленко Е.М. Из истории обеспечения прав заключенных в тюрьмах Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Саратовской губернии) // Былые годы. 2021. № 16(4). С. 1910–1921.
- [10] Епифанов А.Е. Обеспечение режима отбывания наказания и прав заключенных в пенитенциарных учреждениях Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Владимирского юридического института. 2024. № 2(71). С. 105–113.
- [11] Епифанов А.Е., Красноженова Е.Е., Кулик С.Н. Побег арестантов в истории россий-

ских пенитенциарных учреждений конца XIX – начала XX вв. // Былые годы. 2022. № 17(2). С. 876–889.

[12] Артамонов Ю.А., Епифанов А.Е., Калиниченко И.А., Клименко А.И., Попов В.И., Ситников К.А., Феднева Н.Л. История органов внутренних дел дореволюционной России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2025. 351 с.

[13] Устав о содержащихся под стражей. Изд. 1890 г. по прод. 1902 г. // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1902.

[14] Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 446. Оп. 1. Д. 18. (Переписка Саратовской губернской тюрьмы, 1903–1908 гг.)

[15] ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 396. (Тюремное отделение Саратовского губернского правления.)

[16] ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 397. (То же. Рапорты надзирателей о подрядных работах.)

[17] Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 161. Оп. 1. Д. 14. (Царицынская уездная тюрьма. Переписка, 1908–1910 гг.)

[18] ГАВО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 15. (Платежные ведомости, 1909–1911 гг.)

[19] ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. (Камышинская уездная тюрьма. Делопроизводство.)

References:

- [1] Gogel S.K. Prison Labor in Russian and Foreign Prisons. Moscow, 1897. 134 p.
- [2] Poznyshev S.V. Essays on Prison Studies. Moscow, 1915. 295 p.
- [3] Nikitin V.N. Prison and Exile: The Historical, Legislative, Administrative, and Everyday Situation of Prisoners... 1560–1880. St. Petersburg: G. Shparvart Publishing House, 1880. 674 p.
- [4] Gernet M.N. History of the Tsarist Prison. Vol. 3. Moscow, 1961. 430 p.
- [5] Detkov M.G. Punishment in Tsarist Russia. The System of Its Execution. Moscow, 1994. 119 p.
- [6] Pertli L.F. Organizational and legal foundations of prison conditions in pre-revolutionary Russia. Moscow, 2011. 200 p.
- [7] Uporov I.P. Penitentiary policy of Russia in the 18th–20th centuries. St. Petersburg, 2004. 608 p.
- [8] Rasskazov L.P., Uporov I.P. Prison instructions in the Russian Empire. Krasnodar, 1999. 57 p.
- [9] Epifanov A.E., Pavlenko E.M. From the history of ensuring the rights of prisoners in prisons of the Russian Empire at the turn of the 19th–20th centuries (based on materials from the Saratov province) // Bylye Gody. 2021. No. 16(4). pp. 1910–1921.
- [10] Epifanov A.E. Ensuring the Regime of Serving Sentences and the Rights of Prisoners in Penitentiary Institutions of the Russian Empire at the Turn of the 19th and 20th Centuries // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2024. No. 2(71). Pp. 105–113.

[11] Epifanov A.E., Krasnozhenova E.E., Kulik S.N. Escapes of Prisoners in the History of Russian Penitentiary Institutions of the Late 19th – Early 20th Centuries // *Bylye Gody*. 2022. No. 17(2). Pp. 876–889.

[12] Artamonov Yu.A., Epifanov A.E., Kalinichenko I.A., Klimenko A.I., Popov V.I., Sitnikov K.A., Fedneva N.L. History of the Internal Affairs Bodies of Pre-Revolutionary Russia: Textbook. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Unity-Dana, 2025. 351 p.

[13] Charter on Persons Detained in Custody. 1890 Edition as extended in 1902 // Code of Laws of the Russian Empire. Vol. XIV. St. Petersburg, 1902.

[14] State Archives of the Saratov Region (GASO). F. 446. Op. 1. D. 18. (Correspondence of the Saratov Provincial Prison, 1903–1908.)

[15] GASO. F. 655. Op. 1. D. 396. (Prison Department of the Saratov Provincial Government.)

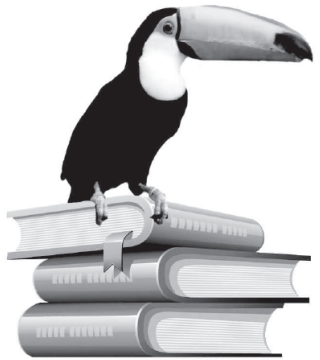
[16] GASO. F. 655. Op. 1. D. 397. (Ditto. Wardens' reports on contract work.)

[17] State Archives of the Volgograd Region (GAVO). F. 161. Op. 1. D. 14. (Tsaritsyn District Prison. Correspondence, 1908–1910.)

[18] GAVO. F. 161. Op. 1. D. 15. (Payrolls, 1909–1911.)

[19] GAVO. F. 290. Op. 1. D. 26. (Kamyshin District Prison. Records Management.)

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru